

Вечно живая и развивающаяся идея конституционализма в контексте основ и сути деятельности высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации

Ковтун Николай Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород
E-mail: kovtunnov@mail.ru

Аннотация. Исследуя правовые основы функционирования Конституционного Суда РФ и суть его итоговых актов, автор вскрывает основные коллизии, которые объективировала практика конституционного правосудия, прямо или косвенно нивелирующие саму идею создания и социально-нормативного назначения этого органа в государстве и обществе.

Ключевые слова: конституция, правосудие, правовые позиции, конституционные нормы, субъективные смыслы, предмет и пределы проверки.

Как известно, суть идеи конституционализма заключается в приведении теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствие с национальной конституцией. Известно и то, что в качестве определяющих свойств этого правового явления в большинстве своем постулируют идеи: прямого действия и высшей юридической силы конституционных велений; разделения различных ветвей государственной власти; связанности государства и общества законом и правом; приоритета человеческой личности и уважение ее достоинства; участия народа в осуществлении государственной власти. Наиболее эффективным средством обеспечения данной фундаментальной идеи признается высший конституционный контроль. В этой связи, видимо, вряд ли следует считать явным преувеличением публичные констатации о том, что ведущая роль в становлении подлинного конституционализма в России в последние четверть века принадлежит именно Конституционному Суду РФ и, соответственно, актам конституционного правосудия.

Не отрицая правомерности теоретической констатации этого тезиса и столь широко декларируемый вклад Конституционного Суда РФ в обеспечение идеи конституционализма в России, считаем все же необходимым остановиться на тех узловых проблемах, которые все более являют себя при анализе

деятельности этого органа и объективации его итоговых актов. Суть данного интереса в нарастающей убежденности в том, что с течением времени, как сама эта деятельность, так и ее результаты, по факту, нивелируют основы идеи конституционализма, и, прежде всего, в силу того, что сама правовая основа функционирования высшего органа конституционного правосудия России несколько не соответствует идеалу.

Ясности нет даже в правовой природе актов конституционного правосудия, ибо в доктрине российского права последние одновременно характеризуются и как непосредственно нормативные правовые акты¹, и как судебные прецеденты², и как правовые констатации или правовые обыкновения³, и как решения преюдициального

¹ См.: Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 41-42.

² См.: Витрук Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. Москва, 26 апреля 1999 г. М., 1999. С. 94-95.

³ См.: Лазарев В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы совершенствования: в 2-х т. / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2001. Т. 2. С. 46-48.

плана⁴, и как правовые презумпции⁵. Достаточно широко озвучены также подходы к синергетическому объединению указанных категорий и свойств в едином понятийном ряду⁶. Симптоматично и то, что если одни из исследователей, по идее, определились в сути этой проблемы и в целом последовательны в (окончательных) своих констатациях, то смыслы суждений других понять несколько сложно.

Б. С. Эбзеев, к примеру, одновременно и признает⁷, и не признает⁸ эти акты нормами высшей юридической силы, и характеризует их в качестве явления формирующейся конституционно-правовой доктрины, которая, тем не менее, императивно связывает органы государственной власти и иных участников правовых отношений⁹. Каким именно образом «связывает» при этом в целом не поясняется.

В позициях Н. В. Витрука акты конституционного правосудия одновременно рассматриваются и как непосредственно конституционные нормы, и как судебные прецеденты (по юридической силе), несмотря на то, что по своей природе они таковыми, фактически, не являются¹⁰.

По мнению Д. В. Карпова, правовые позиции Конституционного Суда РФ в одном случае носят прецедентный характер и обязательны при рассмотрении судами аналогичных дел; в других — они же, хотя и имеют юридическую силу, однако прецедентным характером не обладают¹¹.

Со временем указанную неопределенность, правда, удалось преодолеть, и в качестве определяющих были предложены выводы о том, что

акты конституционного правосудия объективируют непосредственно нормы. Как следствие: это полноценные источники (формы выражения) российского права, содержащие весь набор внешних атрибутов федеральных актов нормативного правового характера¹². Акценты, более чем известной, дискуссии о том, что судебная власть не в праве издавать нормативные правовые акты при этом, естественно, не муссировались¹³.

Менее определено были расставлены акцентуации в вопросе о юридической силе указанных «норм» и их «месте» в системе (иерархии) источников (форм выражения) российского права. В итоге, доктрина и практика либо в принципе не считали возможным включать эти правовые явления в систему источников той или иной отрасли права, либо оказались не в состоянии определить на какой именно ступени иерархической вертикали форм выражения права должны находиться данные акты. «Восполнить» указанное взял на себя высший орган конституционного правосудия, в том числе в лице своего председателя, (со временем) исчерпывающе обосновав вывод о том, что юридическая сила актов Конституционного Суда РФ «...превышает юридическую силу любого закона, а, следовательно, практически равна юридической силе самой Конституции»¹⁴. Насколько «практически» так же в целом не пояснялось. Не пояснялось и то, какая именно форма выражения права — собственно конституционные нормы или правовые позиции судей высшего органа конституционного правосудия (относительно истинного содержания конституционных велений) доминируют в правовом регулировании? Как следует поступать в той практической ситуации, когда (со временем) по одному и тому же предмету высшего конституционного правосудия итоговые правовые позиции Конституционного Суда РФ объективируют принципиально различные нормативные правовые подходы в понимании сути исходных конституционных велений и варианте разрешения спора?

Со временем, правда, «разрешилась» и эта проблема. Правовые позиции судей высшего

⁴ См.: Морщакова Т. Г. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции // Государство и право. 1997. № 5. С. 8.

⁵ См.: Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.

⁶ См.: Лазарев Л. В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3-13.

⁷ См.: Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7.

⁸ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1996. С. 163-164.

⁹ См.: Эбзеев Б. С. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации: Комментарий. М., 1996. С. 23-24.

¹⁰ См.: Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение. С. 95.

¹¹ См.: Карпов Д. В. Конституционно-правовые основания актов судебной власти: технико-юридический аспект // Проблемы юридической техники / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 485-486.

¹² См.: Лазарев В. В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 49.

¹³ См.: Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 78; Нерсисянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 112; Нерсисянц В. С. Суд не законодательствует, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 38.

¹⁴ Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 132-133.

органа конституционного правосудия, как резюмирует В.Д. Зорькин, это не «застывшая» буква конституционных велений, а «...живое и развивающееся конституционное право»¹⁵. Как следствие, нет ни малейшей проблемы в том, что одни и те же (неизменные) конституционные нормы являют принципиально различные нормативные правовые контексты в перманентно объективируемых правовых позициях актов конституционного правосудия.

Герменевтика, как разъясняет Г.А. Гаджиев, всегда предполагает участие человека, а значит, **определенный субъективизм** при появлении итоговых представлений¹⁶. Насколько этот субъективизм, в том числе публично объективируемый в государстве, обществе, праве в качестве норм «живого конституционного права», реально отражает истинное (исходное!) конституционное правовое веление, при этом, естественно, не пояснялось.

Субъективные сомнения в этих моментах, видимо, призваны снять позиции В.О. Елеонского. Понимая правовую позицию Конституционного Суда РФ как **этап познания** конституционной нормы, исследователь приходит к резюмирующему суждению о том, что различное понимание одной и той же нормы конституции по различным делам конституционного правосудия свидетельствует лишь о продолжающемся процессе ее познания¹⁷.

Как следствие, продолжает А.А. Малюшин¹⁸, именно представление о практике конституционного судебного правотворчества **как о нарастающем процессе познания нормы** позволяет объяснить, почему по одному и тому же предмету конституционной проверки с течением времени объективируются принципиально различные правовые позиции (нормы) высшего органа конституционного правосудия.

Подходы, признаем, весьма интересны; однако, они же объективируют не менее интересные смыслы. По факту правовые позиции судей, отраженные в итоговых актах конституционного

правосудия, это не сама конституционная норма (в исходном своем нормативном велении), а лишь итог ее субъективного восприятия тем или иным познающим субъектом. Непосредственно в юридической плоскости эти субъективные смыслы предстают в качестве норм наивысшей юридической силы, доминирующих в правовом регулировании. Между тем логично предположить, что при ином субъектном составе судей высшего органа конституционного правосудия, иной актуальной потребности, иных исходных условиях истребуемого «конституционного» познания итоговые смыслы тех же конституционных велений могут явить принципиально иное нормативное свое содержание, иной вариант разрешения нормативного правового спора.

Именно на эту особенность конституционного правотворчества, по сути, указывают В.О. Елеонский и А.А. Малюшин, «оправдывая» все более нарастающий процесс накопления «еще более живых и развивающихся конституционных норм», а по факту процесс «ручного» управления системой. С тех же исходных позиций оправдано и то, что субъективные смыслы (они же «живые конституционные нормы») в процессе познания могут меняться. Познание, как известно, развивается. Как следствие, изначально нет непримиримых коллизий в кардинальном изменении векторов при разъяснении сути одной и той же нормы не до конца «познанной», но так органично развивающейся Конституции РФ. Естественно, не проблема и то, что непосредственно исходные нормы этого акта вообще не менялись. Смыслы (потребности?) изменились — значит следует соответствовать.

В итоге в качестве явной бестактности, видимо, надо оценивать возможные апелляции правоприменителей к уже неактуальным и, скорее всего, уже не столь «живым и развивающимся» правовым позициям-нормам, ранее сформированным по тому же предмету конституционной проверки. Между тем, они так же в высшей юридической силе, так как известно, что легального механизма отмены этих «неактуальных» и «не столь живых» актов конституционного правосудия в Российской Федерации не предусмотрено. По факту доминируют и «регулируют» и те и другие.

В том же коллизионном контексте «урегулирован» надлежащий предмет высшего конституционного контроля. Конвенционально не будем возвращаться к генезису известной дискуссии о праве Конституционного Суда РФ на проверку на предмет соответствия Конституции РФ тех нормативных правовых актов, конституционность которых поставлена под сомнение: (а) жалобами граждан на нарушение их конституционных прав; или (б) запросом суда общей юрисдикции. Наши позиции в этой дискуссии

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22-46; Корнев В.Н., Алешкова И.А. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход // Государство и право. 2015. № 10. С. 6.

¹⁷ См.: Елеонский В.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам федеративного устройства России // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 96.

¹⁸ См.: Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 6-8.

всцело на стороне тех исследователей, которые исчерпывающе обосновали, что:

— по смыслу п. 2 ст. 125 Конституции РФ это конституционное «правотворчество» не имеет самостоятельного правового значения;

— на эту форму проверки ФКЗ от 24.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» не распространяет присущие актам толкования Конституции РФ признаки официальности и обязательности (ст. 106);

— как следствие, то, что Конституционный Суд РФ сугубо субъективным своим усмотрением «преодолеет» указанные ограничения и по факту присвоил себе право к подобной проверке, свидетельствует лишь о корпоративных векторах реализуемого конституционно-го познания¹⁹.

При обсуждении исходных тезисов этого спора высший орган конституционного правосудия, напротив, уверовал именно в свою правоту и, со временем, в том же контексте и по тем же векторам императивно «обосновал» свое несомненное право к конституционной проверке:

— федеральных конституционных законов; игнорируя при этом наличие собственных взаимоисключающих суждений: (а) о том, что это не более чем разновидность федеральных законов (следовательно: надлежащий предмет для проверки), и (б) далеко не тождество федеральных законов, в силу (подтвержденного Судом) иерархического приоритета перед последними²⁰;

— норм международного договора межгосударственного характера, безоговорочно ратифицированного Российской Федерацией (но со временем вступившего в противоречие с иначе осознанным национальным интересом)²¹;

— постановлений Государственной Думы РФ об амнистии; ибо как констатировано Судом по своему уровню и материально-правовому содержанию эти акты могут быть приравнены к федеральным законам²²;

— постановлений Правительства РФ; при условии, что имеет место прямая нормативная связь подзаконного акта с федеральным законом²³;

— иных подзаконных актов; если отсутствует федеральный закон, который должен регулировать спорные правоотношения²⁴.

В итоге не удивительно, что в последние годы доктриной российского права в целом серьезно обсуждается безусловное право Конституционного Суда РФ к проверке (видимо, на предмет нашей конституционности) общепризнанных принципов и норм международного права²⁵.

Признаем, у нас нет ни малейших сомнений в том, что Конституционный Суд РФ справится и с этой трудной задачей, предложив (со временем) Генеральной Ассамблее ООН и в целом мировому сообществу подлинно конституционную систему общепризнанных ценностей нормативного правового характера. В итоге дело за малым — официально легализовать это несомненное и суверенное право высшего органа конституционного правосудия России; к примеру, посредством исчерпывающе обоснованных правовых позиций Суда в очередном постановлении. Тем более что правовая основа указанного зиждется на непоколебимой уверенности этого органа в том, что, обеспечивая верховенство Конституции РФ — акта, принятого всенародным голосованием, — именно Конституционный Суд РФ является выразителем и носителем власти народа²⁶.

Выразителем и носителем, подчеркнем, суверенным, так как никакой иной орган государства, включая законодателя, не в праве, как

амнистии в связи с объявлением амнистии с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда г. Челябинска и жалобами ряда граждан».

²³ См.: постановление КС РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации»

²⁴ См.: определение КС РФ от 04.03.2004 № 138-О «По жалобе гражданина Каленова Андрея Федоровича на нарушение его конституционных прав положением подпункта «и» пункта 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию и абзаца второго пункта 16 Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 года N 1117 «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»

²⁵ См., например: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб., 2007. С. 33.

²⁶ См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Постатейный) / Под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012. 672 с.

¹⁹ См.: Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 51-54; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 26-27; Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. № 12. С. 54.

²⁰ См., например: постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П; определения КС РФ от 08.11.2005 № 439-О, от 02.03.2006 № 54-О, от 15.05.2007 № 371-О-П.

²¹ См.: постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П.

²² См.: постановление КС РФ от 05.07.2001 № 11-П по делу «О проверке конституционности постановления Государственной Думы РФ от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ «Об объявления

констатируется, осуществлять официальное толкование и разъяснение закона. В законотворческом процессе, итожит Конституционный Суд РФ, участвуют не только Государственная Дума РФ, но и Совет Федерации РФ, и Президент России. Поэтому, изначально нет конституционных оснований к тому, чтобы официальное толкование закона осуществлялось лишь одним из участников законодательного процесса. К примеру, Государственной Думой РФ²⁷.

Согласимся, весьма верная и здравая мысль; она же согласуется с идеей конституционализма. Есть, правда, нюанс — она вступает в противоречие непосредственно с практикой конституционного правосудия. Генезис последнего свидетельствует о том, что процесс перехода от «пробных» попыток навязать свою волю законодателю к однозначному диктату непоколебимой истинности и императива последней в деятельности Конституционного Суда РФ не только завершен, но и закреплён нормативно. В соответствии с нормами ФКЗ от 28.12.2016 № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» итоговые акты конституционного правосудия, вынесенные в форме постановлений, актуализированы в качестве непрерываемого императива не только для, собственно, динамики права, но и для российского законодателя. Указанное следует из буквы закона:

во-первых, «...не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений **в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ**» (п. «б» ч. 2 ст. 79 ФКЗ от 28.12.2016 № 11-ФКЗ);

во-вторых, подготовка субъектами законодательной инициативы необходимого законопроекта, призванного к учету правовых позиций акта конституционного правосудия, обсуждение и принятие этого закона непосредственно высшим законодательным органом Российской Федерации должны осуществляться **исключительно в толковании, предложенном Конституционным Судом РФ**. Отступление от указанных правил преследуется в установленном федеральным законом порядке;

в-третьих, «суды общей юрисдикции, арбитражные суды, ...не вправе применять нормативный акт или отдельные его положения **в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ**» (ч. 5 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)»²⁸.

Императивы, как видим, расставлены однозначно. Причем, как для высших органов

законодательной власти, так и для судебной системы России или иных государственных органов — субъектов законодательной инициативы. Впредь они, если и вправе функционировать в нормативно-правовой сфере, то лишь «...в истолковании, предложенном Конституционным Судом РФ»; иначе — ответственность в установленном федеральным законом порядке. Между тем, российская правовая доктрина однозначна в константах о том, что:

— при всех условиях Конституционный Суд РФ не должен подменять законодателя, а тем более связывать его обязательными установками о путях решений той или иной проблемы в процессе конституционного толкования²⁹;

— изначально неосновательны любые попытки поставить Конституционный Суд РФ над парламентом³⁰;

— никто не имеет права вменить законодателю или конкретно Государственной Думе РФ в обязанность принять закон (в том числе исключительно в истолковании, предложенном Конституционным Судом РФ)³¹.

Ранее, помнится, Конституционный Суд РФ также итожил, что в законодательном процессе участвуют все субъекты законотворческой деятельности, а не исключительно орган, являющийся (единственным!?) выразителем и носителем власти народа. Напомним и то, что ответственность за неисполнение, ненадлежащее исполнение решения Конституционного Суда РФ на законодателя не распространяется. Акцентируем также, что в ФКЗ от 28.12.2016 № 11-ФКЗ нет апелляций применительно к Верховному Суду РФ³². Как следствие, даже по букве этого закона истолкование, предложенное Конституционным Судом РФ, в принципе не обязательно для данного конституционного органа и самостоятельной ветви государственной власти. В итоге, Верховный Суд РФ, во-первых, вправе иметь в целом отличные суждения об истинной и необходимой воле закона, в том числе в качестве самостоятельного и полноправного субъекта законодательной инициативы. Во-вторых, столь же в праве самостоятельно ориентировать суды (ветвь самостоятельной власти) в правильном применении тех или иных нормативных велений. Ограничивать конституционную

²⁹ См.: Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент // Проблемы юридической техники. С. 59.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Лазарев В.В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации Государственной Думой // Исполнение решений конституционных судов. СПб., М., 2003. С. 64, 72.

³² Судом общей юрисдикции Верховный Суд РФ, как известно, более не является.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5492.

²⁸ См.: п. «б» ч. 2 ст. 79 ФКЗ от 28.12.2016 №11-ФКЗ.

и самостоятельную ветвь государственной власти в этом вопросе высший орган конституционного правосудия — изначально не вправе (ст. 10, 120 Конституции РФ).

Утверждая о единственно верном (конституционном!) истолковании норм, в том числе императивно обязательном для субъектов законодательной инициативы, Конституционный Суд РФ также несколько «упускает», что в настоящее время в правовой реальности одновременно наличествуют взаимоисключающие правовые позиции высшего органа конституционного правосудия по одному и тому же предмету³³. Одни из них, скорее всего более «живые и развивающиеся». Другие — не столь развивающиеся, но, видимо, также «живые». Какие из них истинны, известно только высшему органу конституционного правосудия. Отсюда, где гарантии актуального выбора для управомоченных субъектов законодательной инициативы, призванных к подготовке проекта соответствующего закона; не ошибиться бы в векторах то ли завершённого, то ли нарастающего конституционного познания.

Актуализируются также сомнения в подлинной беспристрастности Конституционного Суда РФ при рассмотрении того или иного предмета проверки. Напомним, одной из наиболее острых проблем при разработке ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» был вопрос о деполитизации этого органа, процесса осуществления конституционного правосудия, сути его итоговых актов³⁴.

Соответственно, вносимые предложения прежде всего сводились к формированию такого порядка функционирования этого органа, при котором вне зависимости от предмета проверки были бы обеспечены непреодолимые барьеры на пути втягивания Суда в политику. Юридическим итогом этих дискуссий стала ч. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», из которой явствует, что в ходе отправления конституционного правосудия Суд решает

³³ Напомним, к примеру, кардинальное различие правовых позиций Суда по основаниям возвращения уголовного дела из суда первой инстанции, объективированных в постановлении от 20.04.1999 № 7-П и постановлении от 02.07.2013 № 16-П. Подробнее см.: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98-103; Ковтун Н.Н. Суды *fema* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20-27.

³⁴ См.: Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Управление судебных заседаний. 1993. Д. 16. Т. 2. С. 214. Цит. по: Митюков М.А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (Введение в тему) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12. С. 27.

исключительно вопросы права³⁵. Утверждалось, что суть этого императива «исключает обоснование актов Конституционного Суда РФ аргументами политического, экономического, социального характера, ...соображениями целесообразности»³⁶.

Непосредственно практика конституционного правосудия являет иные примеры. Примером тому обоснование правовых позиций Суда, изложенных в постановлении от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», где большинство итоговых выводов и суждений высшего органа конституционного правосудия основано не столько на анализе коллизионных явлений российского права, сколько на утверждении доминантного значения национального интереса, национальной безопасности, национального суверенитета. В итоге неудивительна крайне негативная оценка этого акта Советом Европы³⁷. Последний однозначно резюмировал политизированность, как непосредственно данного акта, так и последовавших за ним изменений в ФКЗ № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁸.

Сомнительные образцы беспристрастности объективируются в последние годы и в высказываниях весьма авторитетных судей этого органа. К примеру, когда утверждается, что защита Конституции РФ не может происходить в отрыве от реальной государственности, от общественной ситуации в стране и мире,

³⁵ См.: Карасев Р.Е. Конституционный контроль в России: генезис, эволюция и проблемы современного периода // Государство и право. 2015. № 9. С. 107.

³⁶ Петров А.А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 104.

³⁷ См.: Совет Европы призвал Россию изменить закон о Конституционном Суде. URL: <https://news.mail.ru/politics/25104450/?frommail=1> (дата обращения: 14.10.2019).

³⁸ См.: ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции от 14.12.2015.

обусловленной целым комплексом исторических и геополитических факторов³⁹. В том же противоречии с категорией беспристрастности известные констатации о крепостном праве — как главной скрепе российской нации и государственности⁴⁰; о необходимости ужесточения национальной правовой системы в «...направлении военной суровости»⁴¹; и т.п.

Возникают сомнения: правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, объективированные с учетом указанных факторов, действительно основаны на букве «защищаемой» конституции; они есть суть формируемой в государстве и обществе идеи конституционализма? Насколько проговариваемые чаяния о «крепостных», о «праве военной суровости» есть объективное отражение сути конституционного правосудия, а не актуальной потребности «новых элит» в сохранении и укреплении существующего порядка, который все более приобретает черты сакральной формулы: «Православие, Самодержавие, Народность». Какими векторами будут опосредоваться правовые позиции — они же «живые конституционные нормы» — в ближайший обозримый период функционирования российского государства и общества; в чем реальная роль и предназначение столь авторитетного конституционного органа?

Впрочем, один из (возможных) ответов на эти вопросы уже публично озвучен. В том числе как (потенциальный) ответ тем публичным и общественным деятелям, которые от случая к случаю озвучивают идеи о разработке и принятии новой Конституции РФ, более полно и точно соответствующей современным реалиям функционирования российского государства и общества.

«Очень бы хотелось надеяться, что наш Основной закон, наша Конституция, — конституирует В.В. Путин, — будет актуальным не только на время принятия и не только через 20 лет, но и на более длительную перспективу. Возникает вопрос, за счёт чего. За счёт работы Конституционного Суда, который в ходе своей практической работы даёт толкование отдельным положениям Конституции, придаёт ей так называемую живинку, связь с жизнью, приспособливает её к конкретным правоотношениям»⁴².

³⁹ См.: Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 160.

⁴⁰ См.: Зорькин В.Д. Суд скорый, равный и правый для всех (судебная реформа Александра II: уроки для правового развития России) // РГ. 2014. 26 сент.

⁴¹ См.: Глава КС призвал ужесточить законы РФ «в условиях военной суровости». Заглавие с экрана. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20151125/1327873305.html (дата обращения: 16.10. 2018).

⁴² Президент России: Встреча с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин.

Приспосабливать конституцию к общественным отношениям — это, видимо, только в нашей национальной традиции, так как по сути реальной идеи конституционализма, напротив, именно общественные отношения должны точно и неуклонно соответствовать букве и духу этого высшего нормативного акта. Последнее, признаем действительно сложно и не всегда получается. Отсюда трудно переоценить роль и значение органа, обладающего столь ценными навыками к подобному «приспособлению»; причем не только на данный конкретный момент времени, но и в перспективе все более мимикрирующих общественных отношений.

Список литературы

1. Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 51-54.
2. Витрук Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. Москва, 26 апреля 1999 г. М., 1999. С. 94-95.
3. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22-46.
4. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98-103.
5. Елеонский В.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам федеративного устройства России // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 96.
6. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 26-27.
7. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 78.
8. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 132-133.
9. Зорькин В.Д. Суд скорый, равный и правый для всех (судебная реформа Александра II: уроки для правового развития России) // РГ. 2014. 26 сент.
10. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 160.
11. Карасев Р.Е. Конституционный контроль в России: генезис, эволюция и проблемы современного периода // Государство и право. 2015. № 9. С. 107.
12. Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20-27.

[Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19579> (дата обращения: 21.10.2018)

13. Корнев В.Н., Алешкова И.А. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход // Государство и право. 2015. № 10. С. 6.
14. Лазарев В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 49.
15. Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3-13.
16. Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. № 12. С. 54.
17. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 6-8.
18. Митюков М.А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (Введение в тему) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12. С. 27.
19. Морщакова Т.Г. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции // Государство и право. 1997. № 5. С. 8.
20. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 38.
21. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 112.
22. Петров А.А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 104.
23. Тарибо Е.В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.
24. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 41-42.
25. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1996. С. 163-164.
26. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7.
27. Эбзеев Б.С. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации: Комментарий. М., 1996. С. 23-24.

The Eternally Living and Developing Idea of Constitutionalism in the Context of the Foundations and the Essence of Activity the Supreme Body of Constitutional Justice of the Russian Federation

Kovtun Nikolay,

Doctor of Law, Professor,

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod

Abstract. *Studying the legal foundations of the functioning of the Constitutional Court of the Russian Federation and the essence of its final acts, the author reveals the main conflicts that the practice of constitutional justice has objectified, directly or indirectly leveling out the very idea of creating and socially-normative appointment of this body in the state and society.*

Key words: *constitution, justice, legal positions, constitutional norms, subjective meanings, subject and limits of verification.*

References

1. Bozhëv V.P. K voprosu o sostiazatel'nosti v rossiiskom ugolovnom protsesse [To the issue of competition in the Russian criminal process]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2000. № 1. S. 51-54.
2. Vitruk N.M. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: poniatie, priroda, iuridicheskaja sila i znachenie [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept, nature, legal force and significance]. *Konstitutsionnoe pravosudie v postkommunisticheskikh stranakh. Programma mezhdunarodnogo foruma*. Moskva, 26 aprelija 1999 g. M., 1999. S. 94-95.
3. Gadzhiev G.A. Printsipy prava i pravo iz printsipov [Principles of law and law from principles]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative constitutional review]*. 2008. № 2. S. 22-46.
4. Dikarev I.S. Ugolovnyi protsess: «tikhaia revoliutsiia» smenilas' reaktсие [The criminal process: "silent revolution" gave way to reaction]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta [Bulletin of the Volgograd state university]*. Ser. 5. Iurisprudentsiia. 2013. № 3. S. 98-103.

5. Eleonskii V.O. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po otdel'nykh aspektam federativnogo ustroystva Rossii [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on certain aspects of the federal structure of Russia]. *Teoreticheskie problemy rossiiskogo konstitutsionalizma [Theoretical problems of Russian constitutionalism]*. M., 2000. S. 96.
6. Efimichev S.P., Efimichev P.S. Uголовно-protsessual'noe zakonodatel'stvo i resheniia Konstitutsionnogo Suda RF [Criminal procedure legislation and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2000. № 1. S. 26-27.
7. Zhuikov V.M. K voprosu o sudebnoi praktike kak istochnike prava [To the question of judicial practice as a source of law]. *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]*. Moscow, 2000. S. 78.
8. Zor'kin V.D. Rossiia i Konstitutsiia v XXI veke [Russia and the Constitution in the XXI century]. Moscow, 2008. S. 132-133.
9. Zor'kin V.D. Sud skoryi, ravnyi i pravyy dlia vsehkh (sudebnaia reforma Aleksandra II: uroki dlia pravovogo razvitiia Rossii) [Quick court, equal and right for all (judicial reform of Alexander II: lessons for the legal development of Russia)]. RG. 2014. 26 sent.
10. Zor'kin V.D. Tsvivilizatsiia prava i razvitie Rossii [Civilization of law and development of Russia]. Moscow, 2015. S. 160.
11. Karasev R.E. Konstitutsionnyi kontrol' v Rossii: genezis, evoliutsiia i problemy sovremennogo perioda [Constitutional control in Russia: genesis, evolution and problems of the modern period]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2015. № 9. S. 107.
12. Kovtun N.N. Sudy fema [Fema Courts]. *Ugolovnyi protsess [Criminal Procedure]*. 2013. № 11. S. 20-27.
13. Kornev V.N., Aleshkova I.A. Tolkovanie i primeneniie konstitutsionnykh predpisaniy sudami v Rossiiskoi Federatsii: integrativnyi podkhod [Interpretation and application of constitutional requirements by the courts in the Russian Federation: an integrative approach]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2015. № 10. S. 6.
14. Lazarev V.V. Tekhnika ucheta reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The technique of accounting for decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. 1997. № 11. S. 49.
15. Lazarev L.V. Konstitutsionnyi Sud i razvitie konstitutsionnogo prava [Constitutional Court and the development of constitutional law]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*. 1997. № 11. S. 3-13.
16. Luk'ianova E.A. Konstitutsiia v sudebnom pereplete [The Constitution in the binding]. *Zakonodatel'stvo [Legislation]*. 2000. № 12. S. 54.
17. Maliushin A.A. Konstitutsionno-sudebnoe pravotvorchestvo (pravoustanovlenie) v Rossiiskoi Federatsii kak osobaia forma sovremennogo pravotvorchestva [Constitutional and judicial law-making (legal establishment) in the Russian Federation as a special form of modern law-making]. *Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justice]*. 2015. № 10. S. 6-8.
18. Mitiukov M.A. Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii»: pravovye diskussii pri razrabotke i priniatii (Vvedenie v temu) [Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”: legal discussions in the development and adoption (Introduction to the topic)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. 2006. № 12. S. 27.
19. Morshchakova T.G. Sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' v Rossii: uroki, problemy i perspektivy: Obzor nauchno-prakticheskoi konferentsii [Judicial Constitutional Control in Russia: Lessons, Problems and Prospects: Review of a Scientific and Practical Conference]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 1997. № 5. S. 8.
20. Nersesians V.S. Sud ne zakonodatel'stvuet, a primeniaet pravo [The court does not legislate, but applies the law]. *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]*. Moscow, 1997. S. 38.
21. Nersesians V.S. U rossiiskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochii [Russian courts do not have law-making powers]. *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]*. Moscow, 2000. S. 112.
22. Petrov A.A. Pravovoe kachestvo reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: postanovka voprosa i nekotorye prakticheskie problemy [Legal quality of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: statement of the question and some practical problems]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2014. № 2. S. 104.
23. Taribo E.V. Doktriny Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v sfere nalogooblozheniia (teoreticheskii i prakticheskii aspekty): dis. ... kand. iurid. Nauk [Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation (theoretical and practical aspects): dis. ... cand. legal sciences]. Moscow, 2005. 187 s.
24. Topornin B.N. Sistema istochnikov prava: tendentsii razvitiia [The system of sources of law: development trends]. *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]*. Moscow, 2000. S. 41-42.
25. Ebzeev B.S. Konstitutsiia. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyi sud [Constitution. Constitutional state. Constitutional Court]. Moscow, 1996. S. 163-164.
26. Ebzeev B.S. Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom RF: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 1998. № 5. S. 7.
27. Ebzeev B.S. Federal'nyi konstitutsionnyi zakon o Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii: Kommentarii [Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation: Commentary]. Moscow, 1996. S. 23-24.